

Вопрос, который он поставил, буквально взорвал видавших виды моряков – помогает ли совесть жить человеку, или мешает? Кто быстрее сделает карьеру – совестливый человек или бессовестный? До двенадцати ночи, до хрипоты спорили моряки. А Гена улыбался, потирая руки:

– Думайте сами! Решайте сами!

После отъезда Георгия Дмитриевича из Одессы мы несколько раз виделись в Москве. Однажды воспользовались его гостеприимством и ночевали с женой у его мамы Мирры Семеновны Брук. Кстати, у нее я впервые увидел, что на пододеяльнике было вышито слово «Ноги».

И, конечно, я читал книги Гачева, его «жизнемысли», удивительный жанр, придуманный этим талантливым человеком.

Георгий Гачев

Айтматов – «писатель, соединяющий пространства и времена»

4.12.96. Позвонили из «Парламентской газеты» – просят 4 страницы написать к юбилею Айтматова... <...>

Как крупен-значителен был и каждый год и день звенел его голос и о нем спорили – в 60-80 годы, три десятилетия – и как оттолкнул, забвен, не знаем нынешними – и писателями, и читателями!

И где ему быть – прописану? Был он – гордость многонациональной советской литературы, достижений интернационализма и дружбы народов, киргиз, пишущий на русском языке и так растиражированный в мир, и уже властитель дум, писатель планеты Земля... А теперь – где ему быть? В истории какой литературы? Киргизская – ему узка. Русская литература России, вышедшей из Советского Союза, – в ней он чужероден, иностранец... Остается – мир. И действительно, он – приемлет!

В июне я был в Штутгарте, где Айтматову вручали премию имени Александра Меня, – и воочию зрел, как все его книги переведены на немецкий – и хорошо расходились, а он из своего по-

Чингиз Айтматов с семьей

сольства Киргизии в Брюсселе – ездил с лекциями – и имел успех. Также и на форуме ЮНЕСКО «За культуру мира против культуры войны» в Кишиневе в мае – был почетный гость, «всемирно известный писатель», уже классик литературы XX века.

Да, траекторию проделал мальчик из киргизского аила Шекер, ветеринар-зоотехник по первоначальному образованию и работе. Ракетой взлетел с самого низа и недр Земли – в Космос мировой культуры и привнес в нее дотоле неведомые сокровища: сюжет, образы, идеи, глаголы, что оказались родны читателям изо всех народов и краев-стран земного шара.

В чем тут секрет?

Ч<ингиз> А<йтматов> выростал в силовом поле огромной напряженности – в Киргизии 30-х годов XX века. С одной стороны – быт патриархально-кочевого народа, где люди живут по обычаям адата извека, акыны поют эпос и рассказывают мифы, и где история еще не начиналась. С другой стороны – вторжение из России-Москвы современной мировой цивилизации: идеи социализма, индустриализация, городской быт, равноправие женщины, а через русскую классическую литературу –

Пушкин, Толстой, Достоевский – тонкая организация личности и душевной жизни. То есть встреча начал и концов мировой истории: души и психологии, и строя жизни первобытнообщинного человека – с современным индивидом, кто мчится на авто и авиа, понимает теорию относительности и на кого свалились проблемы тоталитаризма и демократии, традиций Азии и Европы. То есть тысячи лет такой диапазон распялил душу и ум смертного, краткосрочно живущего человека Чингиза. И он внял его в себе, пережил – и претворил в «перлы создания» – в повести, романы, пьесы, что окормляют души и умы и киргизов, и русских, и японцев, и мексиканцев – читателей самого разного уровня культуры. Когда одна из первых повестей Ч<ингиза> А<йтматова> «Джамиля» была переведена на французский, Луи Арагон – изысканнейший интеллектуал западной литературной традиции, отозвался о ней как о прекраснейшей повести о любви. И в ней действительно: синтез восточной традиции «меджнунов» (как в «Лейла и Междун») с утонченностью чуть ли не модернизма.

В то же время канадский эскимос и филиппинец: индус и араб находят себе отзыв в книгах А<йтматова>. И не диво: ведь многие народы в XX – претерпевают ту же судьбу, что и его киргизский: а именно из первобытнообщинного, из архаического состояния – вовлеченные в процесс западной цивилизации – вынуждены перепрыгивать, стязенно уверенно проходить целые эпохи, исторические формации. Это судьба большинства народов Азии, Африки, Латинской Америки, не говоря уже о народах СССР.

То есть основная и вечная драма мировой истории: противоборство между естественно живущими среди природы в ладу с ней существами – и индустриальными горожанами, для кого природа не Мать, а материал в переработку – Мэтр фор фэктс – а также и человек – просто работник-обслуга машины, а не душа и божество, – вот над чем всю жизнь бьется Ч<ингиз> А<йтматов> – и представляет нам в худ<ожественных> образах, что стали родными собеседниками всем читавшим его книги.

Начиная с животных: иноходец Конь Гульсары, Мать-Олениха, Рыба-Женщина, Верблюды Каранар, Волчица Акбара, Ранние жу-

равли... Хочется повторить, что Тургенев Толстому про «Холстомера»: «Вы были лошадью!..» Так он из кочевого в прошлом народа (а кочевник – народ-кентавр: сращен с животным, верхом на своей пище-стаде), интимно жизнь «меньших братьев наших» – ощущает, переживает, слышит, передает... Их трагедию оттого, что глухи к ним как пролетарий-комиссар, так и капиталист-охотник корыстный...

Но еще более страшная трагедия живого человека, личности – в тисках между безлично-патриархальным обычаем рода-племени, который и не подозревает, что в человеке может быть личность, индивидуальное «я» – особенно в женщине, – и сокрушает их волю к собственному пути, любви – и железной партийно-государственной системой и идеологией в СССР эпохи революции, строительства социализма и Отечественной войны. Герой А<йтматова> – естественный человек и простодушный, одаренная художественная натура – все равно прорастает к свободе и творчеству – и пусть и платится за это страданиями, а то и жизнью, – но являет собой отрадное зрелище истинного человека, в ком добро, ум и совесть и творческий талант не сгибаются перед обстоятельствами, пролагают свой путь...

Таковы Джамия и Данияр, мать Толгонай в «Материнском поле», первый учитель Дюйшен, Танавай, Едигей, Мальви в «Белом пароходе», поэт Сабур в пьесе «Восхождение на Фудзияму», Орган в «Пегом псе, бегущем краем моря», Авдий, волк Ташчанар в «Плахе», Филофей в «Тавро Кассандры»...

А как неимоверно трудно было быть личностью, особенно в эпоху бури и натиска советской цивилизации – в ее первый период – на примере своей семьи испытал Ч<ингиз> А<йтматов>. Его отец, один из строителем социализма в Киргизии, первый секретарь обкома, был расстрелян в 1938 году, и мать осталась с четырьмя детьми. Но – женщина исключительной воли, души и ума, интеллигентная, образованная – дала образование детям, так что, как рассказывает Ч<ингиз> о том, как он получил первый гонорар, – это когда из Москвы приехал человек – и никто не мог переводить – лишь вспомнил о нем, мальчике, и он восхитил всех. И потом – с самого низа пробивался: зоотехник в стаде, собкор в газете, потом Высшие литературные

курсы, Литинститут в Москве, первые повести – и вдруг взлет: Ленинская премия за 1961 год – 33-летнему киргизу за «Повести гор и степей».

Тут власть заискивала – вывеска Дружбы народов!
Но не постыдил – верен таланту и совести.

5.12.96 <...>

Солженицын и Айтматов

Однако, возвращаясь к начатой вчера статье об Айтматове. И вот тебе сюжет: Солженицын и Айтматов – посравнить.

Оба – большие явления, уникальные. Но Айтматов – обласкан властью, наверху и в компромиссе: соблюдал правила игры, в отнесенности свободы творчества. Солженицын – на всю катушку, домогался Абсолюта – и – парадокс! – приласкан врагами России – США, Западом – сам будучи славянофил-патриот.

Но – тоже парадокс! Абсолютная свобода политического высказывания совсем и не нужна для художественного письма. Даже мешает – как искушение писать обо всем впрямую на рассудочно-логическом языке – не нуждаясь в образе и пластике. Оттягивает творческую способность художника – на банальные стези и язык общественника прагматического с интересами. Что и произошло с Солженицыным: был он лучше писатель – в первый период, когда еще прикровенный автор-художник: «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус», «В круге первом»... А уж «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо», где пошел напрямую сражаться как политик и историк, – плоче и по мыслям-понятиям, и как текст-образ.

Айтматов же, как мне говорил, заранее ставит себе пределы, когда уже пишет – в прямоте политическо-обличительной. Но откатываясь от этого предела-запрета, зато сгущает образ: эта откатная волна вплетается нитью в сюжет и перипетии, и склад, и поведение персонажей – и питает художественность произведения. Рамка-мера свободы политического высказывания напрямую – тут как рамка формы: роман, повесть и обязанность метра и рифмы в стихе...

6.12.98. Но – dokonчим об Айтматове.

Итак: В 33 года – лауреат Ленинской премии! Такой взлет: успех у читателей, ласка властей: как же – вывеска дружбы народов, зримое проявление! Во все президиумы зван, украшение. И действительно: всем взял: и красотой, и молодостью, умом и талантом! Просто вундеркинд советской цивилизации! Сколько «выдвиженцев» сокрушились в подобных взлетах. Но – не на того напали. Крепыш Духа, не изменил своему призванию писателя, кто – совесть народа, страны, – так понимался творец в слове – и в устной традиции акынов, и в гуманистической традиции мировой и русской литературы, которой А<йтматов> – продолжатель. И вот в 60–80-е, из года в год, открывая очередную книжку «Нового мира», благодарный читатель уповал встретиться с новой повестью или романом Ч<ингиза> А<йтматова>. А в них – художественное исследование и вечных проблем духа, и истории советской власти, трагедия его народа и человека, и парадоксы прогресса, критика современной цивилизации, темы экологии, защиты природы... И уникальность всех его произведений, что там все – меж двух полюсов: извечность взирает оком Матери-Оленихи, наивным сознанием ребенка или подростка или патриархального человека (чабана, нивха-рыболова), – и оптика мыслителя второй половины XX века, кто облетал весь мир и беседовал с самыми умными совопросниками века сего. Все стадии мирового духа в А<йтматове>: и архаического, дар мифотворца (вспомним миф о манкуртах), гомеровская стадия сознания, и христианское открытие внутреннего мира души, и ренессансный титанизм личности, и романтизм, и реализм – критический и социалистический, и модернизм, и научная фантастика в стиле XX в. Такая толща и густота худож<ественной> ткани. Он реализовал потенциал, что дан ему как сыну киргизского народа, претерпевшего ускоренное развитие, и как сыну советской цивилизации как цивилизации большого стиля, впитавшего ее и трагические опыты в ее первый период, и гуманитарное, и социально-культурное плодоношение – во второй период – «оттепели» и «застоя», теперь задним числом видно, – была золотая эпоха интеллектуального и художественного творчества. И в ней Ч<ингиз> А<йтматов> – один из первотворцов. Причем трагедии

и страдания первого периода цивилизации составили основной материал высокого художественного воспроизведения – и для Солженицына, и Распутина, и Белова, А. Синявского.

20.7.2000. Потребна в говорении моем густо насела: журналисты-телевизионщики насаждают – им эфира минуты занять. Сегодня из телерадио «Мир» – про киргизов – не могу отказать – Шалахметову, а завтра – в клуб киношников – про «Евразию», а на той неделе – на ТВЦ «Человек на пороге нового тысячелетия». Приходится изменить своему вслушиванию в микро в себе, а в глобалии воззриться-впериться.

Киргизия и киргиз

Во-первых, в ближайшее – сосредоточиться.

Как задумался над ними? Через Ч. Айтматова.

Сгусток эпох – кочевник, адат – и тонкость модерна.

Киргиз и казах: казах – тоже кочевник, но тяжелее, грубее – Шаханов и Айтматов. Киргиз – универсальнее: «Повести гор и степей». Откос.

Что значит – и то и другое видение: кочевника, горца и земледельца.

Сродство с животными – Зодиак Айтматова – не с растениями. Хотя Два тополя в «Первом учителе».

Страстный темперамент – взрывчатый. Темпоритмы – Весна сливается с Летом – жара и доходит паводок от тающих ледников с гор. Психика.

Тонкость эстетическая: Живопись, кино – Толомуш Океев.

Задумчивость – долгие медитации на коне.

Сейчас – момент истории – вызов экстравертироваться: свое государство – к чему? Сколько сил уйдет! Ранее – в самоуглубление и развитие души и личности – что в героях Айтматова. Теперь – наружного человека растить? Хитреца.

Однако – перекресток уже новый: меж Севером (Россия) и Югом – Ислам. Был год назад на конференции: «Религия и культура в Центральной Азии» – и искусственное насаждение Ислама,

как ранее – Идеологии Коммунизма. И вот – насилие над женщиной вдруг. И она бежит... – в протестантизм!

Женщина-то в кочевом быту – джигит, а не покорная раба, как в земледельческом и городском исламе – Джамия – вольная! Усади ее самкой!..

Но есть геополитическое и духовное предназначение. Центр Евразии. Скат гор на Север, вектор на Россию. Не на Восток и не на Запад. А вот ось: Юг и Север. Горы и Равнина. Вертикаль и Горизонталь. Личность и Община. Индивидуализм и Социальность. Жизненность-животность – и Цивилизация. Городскость.

Этот перекресток начал реализовывать Айтматов – и одарил человечество, мировую культуру многими тут уразумениями.

Эту традицию – продолжать: осмысляя новые опыты и ситуации, и проблемы, и характеры. Так что в культурно-духовной области вижу акцент [1 нрзб.].

Что же может уникальное миру дать Киргизия?

Именно ОПТИКУ, особое видение бытия и цивилизации, и человека – из особой точки наблюдения-опоры. Это и реализовал Айтматов: вплоть до «Тавра Кассандры» – где «Космический монах – Филофей» – великий отказ от Земли и ее безнравственной цивилизации.

Да, задним числом оцениваю выше: сколько в разные стороны тыкался ум Айтматова – и зачерпнул – и осветил из особой оптики. Вплоть и до Христианства – в «Плахе», и нивхи в «Пегом Псе»... И понятна его миротворческая деятельность в ЮНЕСКО и с японцем Икедой диалоги...

Ныне – навалилась задача – свое государство строить. Не от того, что такой особый внутри киргизов импульс – как там у эстонцев или у украинцев – попробовать «самостийности», но потому что – развалился СССР – и нам приходится – «как все»...

И тут подсказки чужих детей – американцев и проч.: берите с нас образец...

В сущности – киргизам и не нужно свое государство – никаких своих ханств и шахов. А – роды кочующие. Эпос «Манас».

Их ареал – Жизнь в Космосе и в Психее и Духе, а не в горизонтальной мировой Политике (от слова «полис» – «город»).

Так что – берегитесь. Чужие правила игры – навязываются.

Хотя они и на советчине были. И из вызова этого – ответ героев Айтматова: развились Личности оригинальные.

Так что придется разные ориентировки в себя принимать, но не суетиться-вертеться, а взвешивать медлительно в думе.

И изгибать – в ЛУКАВСТВЕ – неизбежном, метафизическом. Лукав и Айтматов – не прет направо (как Мухтар Шаханов-казах). Но тем он внутреннее и богаче: изгибчат. Как и в геометрии – КРИВАЯ линия – богаче ПРЯМОЙ – и действия нескольких сил-векторов: в содержании Кривой они залегают. Как Проблемы! А не Решения. Густят состав. А не расплескивают наружу. Задумчивость. Над вопросами бьются герои Айтматова.

Так что сюжет – меж Прямодушием и Лукавством неизбежен – и в Человеке вообще, а в Киргизе – особенно. Это-то и составляет богатство героев А<йтматова>: Танабай, Едигей, Дюйшен, Авдий, Филофей – прямодушны. А мир – КРУГОМ требует-изыскивает Криводушия. Отсюда – драматизм, трагедия.

Вон как и в романе Ауэзова-казаха «Абай»: его отец Кунанбай – мудр-лукав, шар. А Абай, ориентированный на Север-равнину-Русскость – на прямую, дерево, попроще.

2 марта 2001.

Ужин у Хаирова. Айтматов и Дугин

Вчера Рустем Хаиров позвал нас со Св. на ужин, где еще Айтматов и Дугин. Чингиз выглядит чудесно: свеж и строен, любознателен к тому, что тут думают (приехал из Брюсселя и Киргизии – на 70-летие Горбачева, кого он-то и выдвигал в президенты) – и ему интересен Дугин – как идеолог Неоевразийства.

Айтматов – за синтез религий. Вспоминает, как его представляли как-то в западной газете: «Киргиз, коммунист, мусульманин, атеист, христианин...» Но он действительно: что все религии – об одном. И общие заповеди. И про себя – или кого-то: что в любой храм войдя, встраивается в его культ – и через него тоже дорогу к тому же Божеству находит и идет... И удивляется расхождениям даже внутри одной религии: христианства и ислама – что тем лютее, чем ближе...

Дугин, напротив, что каждая вера – организм и формирует весь состав и телесность человека и чувствительность – и нюхом чует иноверца. И все эти повторяющиеся формулы, над чем Айтматов посмеивается: «Ля илля иль илля...» – на самом деле метафизичны. Уже в этой формуле уже одно это: «Нет Бога, кроме Бога!..» – уже проблема душе и уму: как так?..

Я тоже поддержал разное верие:

– Когда сходятся на общем наборе в экуменизме – какой плоский уровень и клише! А если погружаться в толщу каждой – там бездна духовного творчества и тонкости – какая симфоническая разработка! А общее – это песенки, шлягеры, попса. Так и логике: чем общее понятие по объему – тем менее содержательно. Например, «Человек» или «Чингиз Айтматов»...

Айтматов удивлялся всплеску строительства мечетей – вон в Киргизии уже 2,5 тысячи настроили и содержат муллу и... Уговаривал богачей – давать деньги на киностудию: пропадает и некогда славное кино...

Дугин – старообрядец – и держал пост – а мы объедались пловом и проч. Достойная выдержка – как его ни соблазняли мы...

И меж ним и Св. какой диспут об Апокатастасисе прекрасный пошел! Они – молодые, на диване, а мы за столом уши развесили и чудились, внимали – уж аксакалы, вышедшие из игры. А они – себя доказывали в блеске – каждый. А потом Айтматов:

– Понимаю, отчего Гачев такой умный! Жена какая!..

8.2.2004.

Терроризм: бедность или месть – источник? С Айтматовым обсуждаем

<...> удар в поддыхало: теракт в метро – в вагоне на полпути от Павелецкой к Автозаводской: 40 убитых, 110 раненых. Полагают: террорист-смертник(ца) из Чечни.

Обсуждали причины терроризма. Айтматов: Бедность.

Но это как раз «бедность» – по меркам «золотого миллиарда», что лезет навязать свои ценности прочим странам и народам и стилям жизни. А те – обороняются от натиска – и мстят!»

Да – МЕСТЬ – психологический источник терроризма – и саможертвенного, как чеченки-смертницы = вдовы убитых мужей».

Да, Месть – воронка ада, что затягивает в Эросе-Танатосе! Такое удовольствие созерцать, как гигант России или Америке – трепещет в панике, ожидая невесть откуда удара, шизофренически вертаться туда сюда!..

Тут и роптание на Бога: как попускает? – Айтматов в машине вчера, – что невинные гибнут.

– Бог и зло использует – для воспитания Человечества – долгого. А тут урок гордыне цивилизации и обществ наизобрели для комфорта такую технику – и всех соединили-обобществили в едином производстве-рынке-коммуникации! Ну и один человек нажатием кнопки может все это взорвать!

21.01.2002.

Айтматова на Нобелевскую премию готовят

Вчера позвонил Айтматов: просит помочь сочинить представление его на Нобелевскую премию. Дать формулировки. Вчера мы со Св.* набросали и диктовали Марии**. Сегодня просит дополнить – на такие темы:

ЧТО ПРИВНЕС В МИРОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

На стыке тысячелетий – он как мост и вольтова дуга – между первобытной древностью, в которой родился в среде патриархального киргизского народа, и современной мировой глобальной и даже постиндустриальной цивилизацией. Ему внятен язык и мифа, и интернета – и его *поэтика* – это синтез и фольклорно-эпического народного видения мира – и размышляющего сознания современного интеллектуала. И в этом диапазоне – и ле-

* Семенова Светлана Григорьевна (1941-2014), литературовед, философ, писатель, супруга Георгия Гачева.

** Мария Урматовна Айтматова – супруга Ч. Айтматова.

генда, и сказка, и романтика, и юмор, и сатира, и публицистика, и научная фантастика.

Живописность, пластика, скульптурность – в описании образов персонажей, их тел, к чему чуток – человек из кочевого быта – с животными, и музыкальность – в ритме его прозы, фразы.

Вообще – чуткость к природному миру, и прежде всего – к животным. Он создал целый Зодиак животных персонажей – равноправных личностей в сюжетах его повестей и романов: Иноходец Гульсары, Верблюды Каранар, Мать-Олениха, Рыба-Женщина, Волчица Акбара, Ранние журавли. Да и такие персонажи: Белый пароход, Материнское поле, гора Фудзияма выступают не просто как силы Природы, но излучают Дух и Волю, и Слов в полифонии-многоголосии его сюжетов и в развертывании действия его произведений.

Так что заступником не просто Природы, но и Животного мира выступает он перед Человечеством.

СТИЛЬ отмечен – напевность неторопливой, задумчивой фразы. Сидя на коне и пася стадо в степи, есть время вспоминать и размышлять, обдумывать, сравнивать, мечтать и каяться. Воспоминания, размышления, рефлексия, все герои – думающие, вглядывающиеся в себя и в мир вокруг.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ – целая плеяда*** всех типов и возрастов. И прекрасная Джамия, девушка-джигит, и ученолюбивая Алтынай, и Мать Толгонай, и Развитие Личности и Свободы, и самостоятельности**** – что так актуально для женщин Востока.

СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНЫХ СИЛ МАЛОГО НАРОДА. Сам Ч<ингиз> А<йтматов> – полпред Киргизии в мире: ее гордость – вливает силы и энергию, питает нац<иональную> субстанцию, дав ей самопознание и образы, и образцы-примеры, идеалы поведения в сложной современности среди других стран и принципов жизни.

Заодно перепечатаю, что вчера набросал:

Ч<ингиз> А<йтматов> – писатель, соединяющий пространства и времена, синтез традиций Востока (Средняя Азия, Ислам,

*** Приписка рукой С.Г. Семеновой: «Им создана целая плеяда женских образов».

**** Приписка рукой С.Г. Семеновой: «предстают объемно и живописно не просто как равноправные с мужскими героями личности, но и подключенными к интимной глубине народа и природы».

Индия) и Запада (русская литература и западноевропейская и американская). А также эпохи: от «гомеровской» стадии (он – мифотворец и акын-рапсод) до психологического анализа сложной личности XX века и модернистского письма.

В XX веке многие «отсталые» народы «третьего мира» подключаются к единой мировой цивилизации и из первобытного состояния ускоренно проходят те стадии духа и культуры, которые в «нормально» развивавшихся странах Европы занимали тысячелетия и века. И в одном Айтматове все эти эпохи духа стяженно присутствуют. Их сплав создает в нем уникальный взгляд на мир, человека и особый стиль. Так что Айтматов в своем творчестве говорит от имени миллиардов людей из стран и народов «третьего мира», Он – их голос. Потому так горячо его воспринимает и переводят. А с другой стороны, им оригинально передуманы традиционные темы мировой литературы: конфликт между личностью и обществом, город и природа, любовь и долг, отцы и дети. И тем он интересен и в старых цивилизациях Европы: в Германии, Франции и т. д. В частности, им дана оригинальная трактовка христианства – в романе «Плаха», в романе «Тавро Кассандры» – конфликт технократической цивилизации против природы и естественного человека.

Т. е. диапазон мировоззрений огромен в нем.

28.7.2006

Судьба и со-весть (о новом романе Айтматова)

С трепетом взялся читать Айтматова новый роман «Когда падают горы (Вечная невеста)» – в «Дружбе народов» 2006 № 7. А и тираж журнала, что издавался в 200-300 тыс. в советские времена, – теперь – 3 тыс. (как и моей книги «Ментальности...»), да и то – с поддержкой... Ведь уже 77 лет, как и мне. И так уж много нарожал – и шедевры есть. И по их уровню судить-равняться – и ему, сочиняя, и читателю. Удержится ли на высоте достигнутой чемпион, или понизит планку, сползет?.. И если так – то у одних ирония и злорадство, у внешних ему, а у меня – тревога, ибо как со-брата чувствую и сверстника: параллельно шествуем по жизни

и проблемам Бытия и Истории, по идеям, в поисках истины, Абсолюта – ну и в опытах личной жизни. И дочитав – рад: старый конь борозды не испортил. Сначала тянулось замедленно, экспозиция через воспоминания – и так вводились персонажи: старый Барс – Жаабарс, как Лев, царь зверей, первый и вожак, самец-лидер, вышедший на последнюю охоту и ощутивший одышку – и человек Арсен – журналист средних лет, от кого уходит возлюбленная: артистка, она сманена в шоу-бизнес торжествующим продюсером-шоуменом. Оба вспоминают свои лучшие, победительные времена. И любовь, когда двое тонули друг в друге – и возносились к небу, и слышали ветер и гул космической музыки. Но вот приходит новое время и новые правила игры и новое поколение – и оттесняет, и им здесь чуждо, не вписываемы – в новых стаях «тусовках» масс – толп-стад. Они – одинокие, но Личности, с «я» и достоинством. И что им делать в новом мире, не при-сущем им? Выталкиваются – Природой (Барс), Судьбою (Человек). И куда? К Небу: Жаабарс карабкается на перевал, который раньше брал запросто, а теперь в одышке – пытается – и назад. Ну а Человек выталкивается внутрь себя, в Со-весть, которая тоже = Небо внутри нас («царствие небесное внутри нас есть») и Высший Суд – на последний акт и экзамен и риск. Тоже – вариант Судьбы – Суд! Но в Природе это – порядок вытеснения старого молодым и Необходимости, и твое «Я» и внутренний мир тут ни при чем, не вольны. То у Человека в Человечестве-Обществе, Истории, Культуре – тоже Судьба, извне стечения обстоятельств и Случай, но еще и Рас-СУД: ум и воля, влекущие к Истине = Естине: зачем жил и отчего все так есть? Понять это: Со-мысл и Бытия, и Жизни моей – идти на Смерть – не как толпу-стадно на башню-заклание, но содеяла и смерть актом Свободы Воли и Разума, актом «Я» – по Совести.

То есть сама Смерть может быть осуществлена как поступок. Она – неминуемая, по Судьба, извне, но я, человек, в свободе воли, в разуме и Рас-СУД-ке, могу выйти на Высший Суд так, что сам стану Судией – и над собой, и над всем, явив, что за жизнь постиг Истину Бытия и назначение человека. Как у Пушкина понят Поэт:

Ты сам – свой высший суд:

Всех строже оценить сумеешь ты свой труд –

и жизнь свою, и «я», и что ты такое – по Истине и по Совести.

«Судьба» и «Истина» – главные сверхидеи, меж коими осуществляется действие-сюжет в романе Айтматова. Это, меж ними – сюжет в высях – меж идеями-ценностями метафизическими. Это – как в античном эпосе, у Гомера: действие на двух уровнях (пря-соперничество между богами Олимпа, высях, меж Афиной и Герой (в «Илиаде»)): там бросают жребий перед поединком меж Ахиллом и Гектором, а уж они, человеки-герои осуществляют волю Судьбы. Но у Личности человека Нового времени эти два уровня в нем самом: в нас и Бог – «Я», совесть и Ум-Логос, а и желание-Воля поступать посреди материи тел и вещей и интересов людей в обществе.

Так что роман Айтматова – это и сюжет о существах Природы (Барс) и Общества (Человек Арсен), но и исследование движущих сил-идей, управляющих их поведением, поступками – каждый раз и в стечениях обстоятельств, непредвидимых, где уж умом и со-вестью понимай и вертись, и выбирай, как действовать. Вот они, эти акторы = действующие «лица» (как в начале драмы объявляются персонажи), прямо называются писателем. В первом акте – это Судьба, во втором – вступает еще и Истина.

«Существует одна непреложная данность, одинаковая для всех и всегда, – никто не волен *знать* наперед, что есть *судьба*, что написано ему на роду, – только *жизнь* сама покажет, что кому суждено, а иначе зачем судьбе быть судьбою...» (Дружба народов. – 2006, № 7, с. 9). Вот предначинательная фраза романа-исследования айтматовского. Сразу введены действующие лица: Бытие (что ЕСТЬ всегда и всем, т. е. Истина), Знание (Ум-Логос-Разум), Жизнь (как, наверное, воплощение Бытия в Природе и в Чело-веках), и Судьба (как, наверное, связь меж ними, пришедшими в движение-течение со-бытий).

И это очень важно: какие первые слова говорит писатель, объявляя свое Кредо, Символ Веры, выработанный за жизнь. Ведь писатель-то уж умудренный, не начинающий юнец, но – аксакал, призванный быть мудрецом, постигшим смысл бытия вообще, истории и жизни человека. «Многоопытный муж», как сказано об Одиссее у Гомера. И Айтматов проходил-проплывал свою «одиссею» – странствие по жизни и мирам познания. И вот – к чему пришел в итоге?

В президиуме - Ч. Айтматов и Г. Гачев

Скажи нам, как ты понял, в чем
Конечный вывод мудрости земной?

В конце «Фауста» Гете он так сформулирован:

Ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни как свободы,
Кто каждый день идет за них на бой
(Перевод Холодковского).

Что ж, к аналогичному пришел и Айтматов – тоже уж в возрасте «олимпийца» Гете (под 80): «Тайна судьбы остается вечной загадкой для всех и для каждого, из века в век, изо дня в день, всякий час и всякую минуту...» (с. 9).

Да, всякий и сей час – в этом все дело, а не вообще. И тебе, читатель*, решать это уравнение в стечении обстоятельств в сей миг,

* В конце июля – начале августа 2006 г. Г.Д. Гачев написал предисловие к отдельному изданию романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Запись «Судьба и Совесть» представляет собой первый приступ Г.Д. Гачева к этому тексту. Отсюда и появляющееся в тексте обращение к читателю.

а писателю-романисту – свести сюжет в клин, заклинить стечение персонажей и идей, и проблем – в некий узел, матовое положение безвыходности, где «или-или», «да-нет» – и вдруг, на предельном напряжении – вершится взрыв – прорыв плотин, обступивших состояний жизни и предреканий Рока = и открывается выход – нет, не сам, извне подается, а сотворяется из свободы «я» и воли личности – и открывает простор и озон – и можно жить и дышать – по Истине и Со-вести и гармонии меж Бытием и Душой, Жизнью и Духом.

Но порог тут – Смерть. Однако Судьба – ее выше, точнее – глубиннее. «А судьба выше смерти. От судьбы судьба ведется, а от смерти ничего не идет» (с. 97).

Однако не обойдем и разность в выводе меж Гете и Айтматовым. Там вывод конечный – «ясен». Тут и ныне – назван «тайной» и «загадкой». Что ж? Два века прошло с эпохи Гете – и такие превратности истории и бездны в мире и человеке объявились и парадоксы в познании, что не ясность ответов, а углубление вопросов – путь познания. И, кстати, ФАКТура текстов Айтматова – и прежних, особенно, пестрит именно вопрошениями. Но и тут – в запеве второй главы, где уже вводится не животное, а человек:

«Трудно объяснить, но бывают такие стечения – и по месту действия, и по времени, и, главное, по поступкам субъектов, которые словно бы вынуждают судьбу на неожиданные повороты». Вот: человек из свободы воли и ума со-творец судьбы – и своей, и мира, волен вести свою игру: «Судьба играет человеком. А человек играет на трубе» – в Труде и Искусстве-Творчестве, что равно мощны Природе и ее Необходимости, что составляет субстанцию Судьбы.

Но главная трудность и тайна, и загадка – это именно «повороты» в «стечениях». И тут уж – Случай вступает в свои права:

«Нечто подобное случилось и на сей раз. Хотя он и не предполагал такого хода событий» (вот: «со-бытия» при и внутри Бытия, как и со-весть – наше со-знание при Ведах-ведении высшего знания – Бога, заведующего всем).

Публикация Анастасии Гачевой